

**МОЙ ПУТЬ К ИЗУЧЕНИЮ РУССКОГО ЯЗЫКА
И ПОНИМАНИЮ РУССКОЙ ДУШИ**

**MY WAY TOWARDS MASTERY OF THE RUSSIAN
LANGUAGE AND UNDERSTANDING
OF THE RUSSIAN SOUL**

В статье обсуждается проблема личного постижения и научного исследования русского языка как иностранного. Яркие факты научной биографии известного финского ученого проецируются на обширное поле современной русистики. Обсуждаются связанные с акцентологией, морфологией, функциональным синтаксисом, лингвокультурологией, корпусной лингвистикой, активными языковыми процессами эвристические методы анализа и систематизации языкового материала. Рассуждения автора о собственных научных поисках и обретениях включены в контекст реального времени и переплетаются с проблемами образования, этики, политики, культуры и международных контактов.

Ключевые слова: русский язык; акцентология; МАПРЯЛ.

The article examines the personal comprehension and scholarly research of Russian as a foreign language. Facts of the renowned scholar's biography are projected onto the vast field of modern Russian studies. The article studies the heuristic methods of analysis and systematization of language material connected with accentology, morphology, functional syntax, cultural linguistics, corpus linguistics, and current linguistic processes. The author describes his own scholarly pursuit and findings, including them into the context of the present, and connecting them with the issues of education, ethics, politics, culture and international contacts.

Keywords: International Association of Teachers of Russian Language and Literature (MAPRYAL), Russian language, accentology.

Я сто раз отвечал на вопрос, почему я стал изучать русский язык. Русские, спрашивая это, ждут ответа вроде: «Полюбил Пушкина», «Заинтересовался русской культурой». Когда они слышат мой ответ, я вижу на их лицах разочарование, удивление... В конце концов они не знают, как отнестись к тому, что именно было для меня стимулом к

изучению русского языка. Дело в том, что я стал заниматься русским языком из чувства протеста против своих родителей. Мы жили в то время в поселке, где мой отец был лютеранским священником, а мать учительницей в школе. Поселок находился в западной части центральной Финляндии в районе, где в те времена никто не знал русского языка и практически все ненавидели русских. В целом я был послушным ребенком, но потом, окончив школу, подумал, что надо сделать что-то против воли родителей. Поэтому я отпустил бороду и стал изучать русский язык. Родители никогда прямо не ругали меня за мой выбор, но я знал, что было особенно негативным: люди в поселке (и приходе) думали, что сын священника стал коммунистом. Последнее было единственным рациональным объяснением моего стремления изучить русский. Как знак своего рода оправдания странного выбора сына мать посетила Ленинград, чтобы посмотреть, как юный стажер живет там за железным занавесом (так в Финляндии принято было говорить).

Я с раннего детства интересовался языком. Еще в дошкольном возрасте подсчитывал количество тех или иных букв в разных типах финского текста. Вообще любил делать разного рода статистические

подсчеты. Меня интриговал, например, вопрос: какая фамилия самая распространенная в телефонной книге. В школе у меня был длинный курс немецкого языка, так что естественным было поступление после окончания школы на германское отделение Хельсинкского университета. Одновременно я пошел на начальный курс русского языка. Сначала русский давался мне с трудом, так что пришлось повторить начальный курс. Финские университеты отличаются достаточно свободной системой изучения разных предметов. Кроме главного предмета (немецкого) и дополнительного (русского), я изучал общее языкознание, журналистику, а также эстетику и мировую литературу.

Дипломную работу я написал по-немецки. Она была посвящена порядку слов в придаточных предложениях (Nebensatz). Позже я сообразил, что тема хорошо сочеталась с моим личным научным пафосом: я безоговорочно принял главный принцип научной деятельности – к тому, что пишут авторитеты, нужно относиться скептически и критически. Во всех немецких грамматиках отмечается, что глагол стоит в Nebensatz на последнем месте. По моим наблюдениям, это было неверно. Изучая языковой материал, делая статистические выкладки, я получил результаты, подтверждающую мою гипотезу. Работал самостоятельно, ни разу не показывая свой текст руководителю. Работа была принята, но оценка была не из самых лучших.

Важным стимулом для моего лингвистического мышления были занятия по общему языкознанию. Они велись молодыми финскими

занятия по общему языкознанию. Они велись молодыми финскими

преподавателями, которые только что вернулись после стажировки или докторантуры в Америке и с энтузиазмом рассказывали о последних веяниях западной лингвистики. Я и сам интересовался разными теоретическими подходами. В просеминарии по русскому языку я сделал доклад об аппликативной грамматике Шаумяна. Преподавательница ничего в этом не смыслила, что, впрочем, не помешало ей разрешить мне выступить на такую тему.

В то время у нас работали советские преподаватели. На меня произвели большое впечатление лекции Бориса Гаспарова. Читая лекции, он ходил перед нами туда и сюда, одновременно размышляя о своих новых лингвистических концепциях. Получалось, что мы, посредственные финские студенты, были первыми свидетелями формулирования новых идей знаменитого ученого. Каждый год в Хельсинки приезжали (по указу Москвы) сначала пятеро, позднее – трое советских преподавателей. Среди них были такие известные лингвисты и литературоведы, как Е. А. Земская, Н. А. Купина, С. Г. Исаков, А. А. Кретов и мн. др. С начала девяностых годов мы стали сами выбирать преподавателей – носителей языка – на конкурсной основе. Более двадцати лет у нас работал Л. Бирюлин, который вышел на пенсию в 2011 г. На пост Бирюлина после конкурса был выбран М. Копотев. Продолжают работать русисты Е. Протасова и Г. Обатнин.

Вернусь к описанию своего пути к русскому языку. После окончания германского отделения Хельсинкского университета я планировал поступить в аспирантуру по немецкому языку, но в том же 1971 г. мне представилась возможность поехать на двухгодичную стажировку в Ленинград. Это время сделало из меня русиста. Я научился говорить по-русски, познакомился с российской лингвистической традицией, ходил на первые уроки знакомства с русской культурой, русским бытом и впервые ощутил нечто, что называют загадочной русской душой. Университет устраивал туристические поездки в Среднюю Азию, Баку, Ригу. Способствовал процессу понимания русских людей и спорт. Я играл в баскетбол за команду филфака и университета, и первые жаргонные слова и известные всем русские жесты я выучил в раздевалке.

Однажды один финский знакомый спросил, хочу ли я узнать, что обо мне пишут в архиве КГБ – там работал его русский друг. Через пару недель он мне все рассказал. Там, действительно, были данные обо мне, в частности, о том, что я привожу из Финляндии русским студентам пластинки с западной рок-музыкой («Black Sabbath», «Led Zepplin», «Deep Purple»). Я хорошо помню, что почувствовал в этот момент. Как ни странно, моим первым чувством было облегчение: ведь нечего бояться, если все фиксируется правильно. Мне было легко догадаться, кто доносил эти сведения в КГБ. Как раз о пластинках я рассказывал студентке, изучающей финский язык. Она коротко познакомилась с финскими стажерами, живо интересовалась нашими делами. Когда через тридцать лет я узнал, что Медведев увлекался и все еще увлекается

рок-музыкой, мне пришла в голову безумная мысль: а вдруг он слушал какую-нибудь из привезенных мною пластинок?

После первой осени ленинградской стажировки родственники подарили мне на рождество финский перевод известной книги Хедрика Смита «The Russians» и заставили ответить на вопрос, прав Смит или нет. Мне всегда не нравились черно-белые мнения о Советском Союзе. Я соблюдал речевую стратегию, целью которой было сглаживание взглядов: тем, кто видел там только недостатки и ужасы, я рассказывал о положительных фактах, а тех, кто восхищался Советским Союзом (они тоже были в студенческих кругах), я просвещал, убеждая, что многое обстоит не так, как они думают.

Вернувшись в Хельсинки, я довел до конца мою учебу по русскому языку и поступил в аспирантуру. Тема диссертации отражала сложившийся личный интерес к статистическим методам. Я старался создать модель частотной грамматики, которая не только описывает строй языка, но и фиксирует встречаемость разных грамматических категорий. Существует два типа частотности: лексическая частотность (сколько каких лексем в языке) и текстуальная (синтагматическая) частотность (как часто слова с определенными свойствами встречаются в речи). В то время электронных корпусов еще не существовало. Кроме теоретических рассуждений, я представил сделанные вручную подсчеты употребительности существительных.

Помню одно интересное событие тех лет. Когда я учился в докторантуре, мне приходилось часто сопровождать наших русских гостей. Встречал их на вокзале, помогал ходить по Хельсинки, заполнять необходимые анкеты. С точки зрения знания языка и русского лингвистического мира, это было весьма полезное занятие. Одним из гостей был академик Федот Петрович Филин (имя и отчество я, естественно, должен был запомнить). Он остановился вдалеке от центра города в гостинице университета. Когда я однажды утром ехал с ним на такси в университет, шофер, услышав русскую речь, заинтересовался гостем. Используя меня в качестве переводчика, они начали обсуждать войну. Оказалось, что воевали они одновременно на одном и том же фронте, – конечно, по разные стороны. Скрупулезно они уточняли место, где шли бои. В конце концов, один спросил: «Вы помните танк, который горел у дороги?», а другой ответил: «Да, помню». Они могли бы застрелить друг друга, а сейчас сидят в одном такси: один – шофер, другой – пассажир. Когда мы доехали до Сенатской площади, шофер тоже вышел из машины. Бывшие враги сердечно обнялись и выразили обоюдное желание, чтобы никогда больше не было войны между нашими народами.

Когда я потом рассказывал русским коллегам эту историю о Филине, я заметил на лицах слушателей настороженное выражение. Один коллега потом объяснил, в чем дело: «Мы его не любили». Я ничего об этом, конечно, не мог знать. Филин был другом профессора Вахроса, и я просто делал то, о чем меня просили. Лишь постепенно я понял,

что в русской культуре еще более, чем в других культурах, наблюдается разделение людей на две категории: есть «наши», т. е. хорошие, и «другие», или «они», которые опасны или, по крайней мере, сомнительны. Мне, иностранному русисту, участвовать в такой игре было невозможно, к тому же просто не хотелось это делать. Прекрасно понимаю, что, особенно в советское время, поступки некоторых ученых были в такой мере некрасивыми, что они заслужили пренебрежение и даже ненависть своих коллег. Но неуважение к коллегам иногда вызывается и менее значимыми причинами: москвичи не уважают коллег из провинции; ученые, работающие в институтах Академии наук, игнорируют исследования коллег, работающих в университетах, и т. д.

Тема докторской диссертации объединила мой личный интерес к количественным методам и типичное для иностранцев увлечение языковыми явлениями, трудными для них самих. Многие мои коллеги писали диссертации о русских или, шире, славянских видах, я же выбрал для исследования другую проблему, на мой взгляд, не менее сложную: подвижность русского ударения [Мустайоки, 1980]. Хотел выяснить, можно ли каким-то образом облегчить путь иностранных студентов к усвоению типов ударения русских существительных. Называл цель исследования обязательным «минимумом», по терминологии прикладной лингвистики того времени. Тем самым создал свою систему нотации типов ударения. По юношеской наивности думал, что весь мир будет в дальнейшем использовать результаты моей диссертации при составлении новых учебных пособий. Думается, исследователь не может не верить в уникальность своих результатов и выводов. Но несмотря на то, что моя нотация типов ударения «намного лучше», как мне казалось, чем соответствующие нотации Зализняка, Федяниной и Редькина, и несмотря на то, что я смог найти многие закономерности в определении места ударения, никто, кроме меня, не использовал эти находки при составлении учебных пособий.

Сравнительно быстро после защиты докторской диссертации в Хельсинкском университете открылась вакансия профессора русского языка и литературы. Мой предшественник профессор Игорь Вахрос считал меня недостаточно компетентным для того, чтобы занять эту должность. Сам он представлял поколение ученых, которые были настоящими филологами, являясь знатоками как современного языка и истории языка, так и литературы. Мои исследования касались только современного русского языка. В то время в Финляндии существовала практика, согласно которой можно было получить продление срока подачи заявки на профессию на один год для того, чтобы пополнить список публикаций. Я воспользовался этой возможностью и написал за это время монографию о выборе падежа в отрицательных предложениях [Mustajoki, 1985]. Других серьезных кандидатов на пост профессора русского языка и литературы не было из-за «смутного времени». Двое из трех иностранных рецензентов признали меня компетентным для замещения должности профессо-

ра, считая, что от кандидата на должность нельзя требовать знаний и публикаций одновременно и по языку, и по литературе. Так меня назначили профессором. Было мне 33 года.

Ученых, в том числе лингвистов, можно разделить на две категории в зависимости от широты тематики, которой они занимаются. Некоторые ученые проникают все глубже и глубже в одно явление и в конце концов знают об этом явлении больше всех в мире. А другие ученые путешествуют по разным сферам лингвистики, останавливаясь то на одной станции, то на другой. Среди известных русистов первый тип представляет Александр Бондарко, а второй тип – Татьяна Николаева. Очень уважаю обоих ученых, но по своей натуре я ближе к той идеологии, которую представляет Татьяна Михайловна. Типы ударения я оставил почти сразу после защиты диссертации, к падежу дополнения в отрицательных предложениях я вернулся в другой монографии [Mustajoki, Heino], но методология была в ней теперь совсем иная (в первый раз – эксперимент; во второй раз – анализ языкового материала).

Многие годы моим верным спутником была и все еще остается теория функционального синтаксиса. Со студентами я рассматривал русский язык с точки зрения семантических категорий еще в восьмидесятых годах. Потом написал монографию на эту тему на финском языке, в 1993 г. опубликовал проблемную статью в журнале «Вопросы языкознания» под заголовком «Возможна ли грамматика на семантической основе» [Мустайоки, 1997]. Монография «Теория функционального синтаксиса» вышла в 2006 г. [Мустайоки, 2006], а сейчас мы готовим к печати «Функциональный синтаксис русского языка» и его сокращенную версию для иностранных студентов на английском языке.

Научные интересы часто возникают на основе практических нужд. Одна из потребностей любого ученого – выбрать нужную методологию. Когда исследуешь язык, не можешь не думать о том, как получить информацию о нем. Лингвистическая методология волнует меня до такой степени, что я написал несколько статей о том, какова роль экспериментов и описательного анализа языкового материала в лингвистике. Другой пример: когда пишешь учебные пособия, непременно начинаешь думать о минимизации дидактического материала и целей обучения – это темы некоторых моих работ. В процессе непосредственного речевого общения с русскими постоянно сталкиваешься с различиями в коммуникативном поведении и картине мира. После таких наблюдений теория межкультурной коммуникации становится естественным объектом научных интересов.

Переключение с одной темы на другую содержит, конечно, риск поверхностного знания. Опасность дилетантизма действительно есть, когда пишешь о вещах, относительно которых не знаешь научной литературы, созданной мировым коллективом ученых. Оправдываю свой интерес к разным вопросам двумя обстоятельствами. Во-первых, я заметил, что в серьезных, сверхглубоких научных трудах можно найти лакуны в использованной научной литературе: важные

с точки зрения тематики работы могут отсутствовать, а те, которые отмечаются, не всегда корректно интерпретируются. Во-вторых, мне кажется, что знакомство с разными явлениями (а также с разными языками) расширяет кругозор исследователя, что нельзя считать недостатком для ученого.

Такого рода оправдание было мне необходимо при создании теории функционального синтаксиса. Сама идея «активной грамматики», в терминологии Л. В. Щербы, заманчива и важна, потому что она отражает роль говорящего в коммуникации. Однако при применении этого подхода исследователь непременно сталкивается с двумя принципиальными проблемами (или вызовами, как сейчас принято говорить). Первая из них – расплывчатость и неопределенность семантических категорий, на которых основывается описание языка. Из-за этого создатель теории вечно сомневается в объективности предложенной классификации, он никогда не может быть удовлетворен ею до конца. Вторая проблема связана с неизбежным чувством недостаточности, неполноты: составляя целостную систему семантических категорий, исследователь должен быть специалистом по всем лингвистическим вопросам. Разработанная мною модель функционального синтаксиса [Мустайоки, 2006] основывается на более чем 40 семантических категориях (состояние, существование, аспектуальность, побуждение, определенность / неопределенность, авторизация и др.). О каждой из них написаны фундаментальные научные монографии. Конечно, я стремился ознакомиться с основной литературой по всем темам, но признаю, что в мире можно найти немало лингвистов, которые знают каждое языковое явление по отдельности глубже меня.

Можно задаться вопросом, почему я хотел написать теорию функционального синтаксиса один, а не создал исследовательский коллектив. Ответ прост: я полагал, что последовательность – более важная характеристика теории, чем детальная характеристика отдельных языковых явлений. Соавторство как способ создания научных и практических трудов мне не чуждо. Напротив, у меня есть большой опыт сотрудничества со многими коллегами. Из работающих в Хельсинки коллег у меня несколько работ по межкультурной коммуникации и русско-финским коммуникативным различиям с Екатериной Протасовой [Мустайоки, Протасова, 2003; 2004а; 2004б и др.], по корпусной лингвистике – с Михаилом Копотевым [Копотев, Мустайоки], книга по падежу дополнения написана совместно с Ханнесом Хейно [Mustajoki, Heino], книга о статистике грамматических категорий – с Эвой Илола [Ilola, Mustajoki], некоторые статьи – совместно с Ольгой Пуссинен [Мустайоки, Пуссинен, 2006; 2008]. Из российских коллег я писал совместные работы, в частности, с Ириной Вепревой по модным словам и авторефлексии говорящего [Мустайоки, Вепрева] и с Татьяной Стексовой по «коллективным субъектам» типа *политика, экономика, наука* [Мустайоки, Стексова].

Собственно говоря, для работы в соавторстве у меня бывает две причины: потребность выйти за границы собственной компетентности и недостаток времени (идей намного больше, чем времени для их осуществления). Книга «Этика в повседневной деятельности ученого» [Clarkeburn, Mustajoki] – хороший пример объединения знаний и опыта двух человек. Мой соавтор (она же и моя племянница) – доктор Эдинбургского университета, защитившая диссертацию по этике в биологических науках. К ее глубоким знаниям по теории научной этики я мог добавить свой опыт, приобретенный в качестве университетского и научного администратора. В целом книга отличается от других соответствующих изданий двумя свойствами. Во-первых, в ней не определяются точные границы этически приемлемых и этически неприемлемых поступков, а даются инструменты для обсуждения сложных ситуаций, в которых нет одного-единственного правильного решения. Во-вторых, книга затрагивает не только этику исследовательской деятельности, но и другие ситуации, с которыми ученый сталкивается в своей повседневной работе: рецензирование трудов других ученых, работа в качестве научного руководителя докторских диссертаций, выбор специалистов на разные должности, интеракция с обществом, в частности, с представителями СМИ.

Два направления моей научной деятельности следует прокомментировать особо. Первое из них – корпусная лингвистика. Я уже говорил о своем интересе к количественным методам. В диссертации по типам ударения существительных и в монографии по падежу дополнения в отрицательных предложениях я практически использовал корпусные методы, хотя изучение языкового материала в то время так еще не называлось. Позже знакомство с базой данных «Интегрум» сделало меня настоящим «корпусником». В гуманитарных науках научная инфраструктура редко является значимой с точки зрения возможностей исследования, но в данном случае это так. «Интегрум» оказался настоящей сокровищницей для изучения русского языка.

Вся история с «Интегрумом» началась достаточно необычно. В один прекрасный день 1997 г., сидя в кабинете проректора университета, получаю от Министерства торговли любопытное письмо, в котором нам предлагают сделать приобретения в рамках программы компенсации долгов Советского Союза Финляндии (sic!). Сразу улавливаю прекрасный шанс: кроме закупки аппаратуры и технических приборов, можно предложить пополнить коллекцию знаменитой Хельсинкской Славянской библиотеки. Поскольку речь идет о массовых заказах, прошу сумму как можно более значительную, предлагая потратить на это один миллион евро. Через два года, уже не являясь проректором, получаю большой конверт, внутри которого другой черный конверт с грифом «Секретно» и предварительный договор о приобретении базы данных «Интегрум» для Хельсинкского университета. Когда университетская библиотека вела переговоры о доставке книг и журналов, стало известно о существовании базы дан-

ных «Интегрум». Мы сразу поняли ее исследовательскую ценность. Предложение о приобретении «Интегрума» прошло, и таким образом мы получили его бесплатно. Позже, когда Россия решила выплатить долги наличными деньгами, Финляндия купила для университетов универсальную лицензию на использование этой базы данных.

Самая важная для лингвиста часть «Интегрума» – коллекция современных газет и журналов. В общей сложности их больше 3000. База данных пополняется каждый день, так что в ней можно найти и самые свежие номера изданий. «Интегрум» не лингвистический корпус в буквальном смысле этого термина: он содержит только тексты. Однако его ценность – это огромный массив свежего языкового материала (в целом около 50 миллиардов слов, т. е. на порядок больше, чем в Национальном корпусе русского языка), а также удобная для пользователя многосторонняя и быстрая система поиска слов. Нашим первым тестом для использования Интегрума была так называемая стихийная конструкция русского языка типа *Лодку унесло ветром*. Предыдущие исследования, посвященные данной теме, основывались на анализе 20–30 примеров – вручную найти их было трудно. После тщательных рассуждений мы придумали способ поиска предложений этих конструкций, используя «Интегрум». После нашей «детективной» работы был составлен список, насчитывающий 2500 конструкций. На основе такого представительного количества примеров мы смогли осуществить более детализированный анализ данной конструкции, чем это раньше удавалось другим исследователям. В течение года наша работа была самой читаемой статьей журнала «Russian Linguistics» [Мустайоки, Копотев, 2005].

«Интегрум» помогает также реализовать мою идею о степени объективности рекомендаций, содержащихся в грамматиках и словарях. Два примера. Многие русские грамматикеры пишут, что так называемый второй родительный падеж существительных мужского рода устарел и/или употребляется только в разговорной речи. Анализ свыше 20 000 примеров показал, что второй родительный на -у действительно стал неупотребительным в контекстах типа *стакан чая/чаю*. Однако во многих других случаях он встречается даже чаще, чем форма с окончанием на -а. Особенно сильно его частотность повышается в конструкциях типа *Народу было много*. Другой пример связан с экспансией приставки *по-*. В текстах можно обнаружить сотни глаголов с этой приставкой, не отмеченных в словарях. Самым частотным из них оказался глагол *почувствовать*.

С помощью «Интегрума» можно выяснить, какую роль носители языка приписывают таким понятиям, как *наука, религия, экономика, политика, искусство* и т. д. Спрашивается, что может делать наука, а что религия? Интересно, что когда в таких контекстах авторы пишут о «возможностях» науки, всегда имеются в виду науки негуманитарные. Относительно науки отмечают, что она способна делать, а что нет. В отличие от этого, отмечают, что религия способна только де-

лать что-то, а о том, чего она не сможет сделать, не пишут. Очевидно, наука все еще развивается, а религия уже достигла своей вершины.

В последние годы я стал исследовать причины коммуникативных неудач. У меня было три стимула для этого. Во-первых, как лингвист я считаю своим долгом изучать самую серьезную мировую проблему – почему люди не понимают друг друга. Во-вторых, теория функционального синтаксиса является надежной основой для интерпретации этого явления. В-третьих, мне импонировало парадоксальное наблюдение, сделанное еще в 1993 г. О. П. Ермаковой и Е. А. Земской: коммуникативные неудачи являются такими же частыми в повседневном разговоре носителей одного языка, как и при их общении с иностранцами [Ермакова, Земская]. Я прочитал много литературы по этому вопросу, в том числе работы западных психолингвистов, которые проводили эксперименты по поводу эгоцентричной настроенности человеческого мозга, систематизировал конкретные примеры, создал модель, очертил понятия, с помощью которых можно проанализировать причины коммуникативных неудач, описать коммуникативные риски, опубликовал работы по данной проблеме на русском, английском, финском языках. Для того чтобы объяснить верное наблюдение, сделанное Ермаковой и Земской, я ввел термины «реципиент-дизайн» (учет слушателя) и «иллюзия общего ментального мира».

Когда принимаешься за какую-либо научную тему, не думаешь, откуда она появилась, и только потом, когда просят писать «воспоминания о научной деятельности», останавливаешься на таком вопросе. Приведу еще один пример. Разновидностями русского языка я заинтересовался, когда читал и слышал рассуждения о том, какому английскому языку нужно обучать школьников и студентов. На этот якобы простой вопрос нет однозначного ответа, поскольку самым распространенным языком в мире является не тот английский язык, с которым сталкиваешься в аудиториях и учебниках, а английский язык в качестве лингва франка (*English as a lingua franca*), который существенно отличается от «настоящих» английских стандартных языков и диалектов. Нужно ли считать ошибкой не соответствующую кодифицированным нормам фразу ученика, которую можно услышать во всех уголках мира из уст неносителей языка, свободно владеющих английским языком? Вторым стимулом для написания статьи о разновидностях языка [Мустайоки, 2013] послужила оригинальная и, на мой взгляд, смелая статья Ю. Н. Караулова, написанная на эту тему в 1991 г. [Караулов].

Одно из тематических направлений моей научной деятельности пришло извне. Исследователи-русисты (в широком смысле этого слова) образовали консорциум для участия в конкурсе на мегапроекты в рамках программы Центров превосходства (*Centre of Excellence*) и пригласили меня участвовать в ней. Общая тематика центра – модернизация России (официально *Choices of Russian Modernisation*). Двух-

ступенчатый конкурс был суровым. Его участники – коллективы ученых, представители разных национальностей, школ и направлений (всего 146) – представили обширные планы исследования; их интервьюировали группы международных экспертов. Только каждому десятому претенденту дали грант на шесть лет. В целом в рамках центра работает человек 50. Большинство из них – социологи, политологи, экономисты; я единственный лингвист, есть также один философ и несколько культурологов. Руководжу кластером, который называется «Культурные и философские интерпретации русской модернизации». После двух лет работы мы все еще спорим, что такое «модернизация».

У ученых, как у всех людей, есть свои симпатии в отношении коллег, работающих в той же области. Мне нравятся исследователи, которые пишут конкретно и четко. В эту категорию входят, в частности, Юрий Апресян, Игорь Мельчук, Елена Падучева, Владимир Плунгян, Екатерина Рахилина и мн. др. Я высоко ценю работы Нины Арутюновой, Татьяны Николаевой, Галины Золотовой, Майи Всеволодовой, Алексея Шмелева, Веры Подлеской. Мне посчастливилось встречаться с ними лично – и не один раз. Очень многое дали мне эти контакты. Помню, одна русская коллега упрекала меня в том, что не цитирую работы В. В. Виноградова. Мне, конечно, знакомы его фундаментальные труды, я уважаю его деятельность, знаю также, что большое количество блестящих русистов – его ученики. Тем не менее, не могу найти в его работах четко сформулированные положения для цитирования. Прошу прощения за этот свой недостаток.

Академия Финляндии награждает каждый год одного ученого за научную смелость. Я бы хотел назвать нескольких кандидатов-русистов на премию Академии. Первый кандидат – уже покойная Елена Андреевна Земская. Она пионер изучения нестандартного русского языка [Земская]. У лингвистов часто наблюдается привязанность к норме. В шутку называю такой подход «юридическим». Юристы же сначала составляют законы, т. е. определяют, что правильно, что неправильно, а потом толкуют жизнь сквозь призму созданной ими конструкции. Елена Андреевна интересовалась тем, как люди используют язык в живом общении. Она подчеркивала и первичность устной речи.

Другой смелый, на мой взгляд, русист – Максим Кронгауз. Он относится к изменениям в современном русском рационально, анализируя их с научной строгостью, без сильных эмоций [Кронгауз]. Подобный подход непрост. Он встречает сопротивление в разных странах. Особенно сложно сохранить такую позицию в России.

Оригинальный и смелый проект разрабатывается в Санкт-Петербурге. Название проекта – «Один речевой день». Авторы стремятся показать, как люди «по-настоящему» говорят. Это, на мой взгляд, является непосредственной задачей лингвистов. Устная повседневная речь отражает тот язык, который носители языка слышат от своих родителей – подлинный родной язык.

Хочу назвать и Бориса Нормана, ученого-шалуна, который интересуется возможными проявлениями русского языка, (в частности, он изучает надписи в маршрутных такси), и Иосифа Стернина, который создает на основе подлинных речевых материалов стройную теорию коммуникативного поведения в разных культурах. Читая труды нерусских русистов, с удовольствием знакомлюсь с новыми исследованиями Ренаты Ратмайр и Даниэля Вайсса. Есть сильные русисты и в самой Финляндии. Кроме тех, которые уже были отмечены, хотелось бы назвать, например, Ханну Томмолу, Марию Лейнонен, Ахти Никунласси и Марьятту Ванхала-Анишевски. Финские русисты публикуют серию научных трудов под общим заглавием «*Slavica Helsingiensia*». В серии выходят как диссертации-монографии, так и сборники статей. Все книги доступны, распространяются бесплатно (электронная версия – по адресу www.helsinki.fi/slavicahelsingiensia).

Должен назвать еще одного крупного русского лингвиста, многосторонности которого могу только удивляться. Это Андрей Зализняк. Грамматический словарь [Зализняк], используемая в нем система подачи морфологических типов русских слов долгое время были (и все еще являются) для меня самым авторитетным руководством, опорой моих лингвистических рассуждений. С уважением отношусь к его фундаментальным историческим исследованиям и находкам, анализу берестяных грамот. С Зализняком я впервые повстречался лично. Моя первая статья в «Вопросах языкознания» касалась типов ударения в русских именах существительных. Когда получил верстку статьи для проверки, редактор журнала написал: «По техническим причинам мы должны были внести в текст некоторые мелкие изменения». При этом единственным местом, где текст был исправлен, была фраза «...здесь А. А. Зализняк явно ошибается». Сразу понял, что для молодого финского русиста такая фраза была непозволительной.

Конечно, проще было бы изучать свой родной язык. С другой стороны, когда исследуешь язык неродной, можно освободиться от оков нормативного отношения к родному языку. В особенности это касается изучения узуса, употребления языка. Факты беспристрастно говорят сами за себя. Иногда можно найти и такие явления, на которые носители языка не обращают внимания или которые не воспринимают как специфические. Независимо друг от друга мы с Ханну Томмолы заметили, что русские произносят в словах типа *чешский* призвук *p* перед *ш*. Русские коллеги этому не верили, пока это не было доказано нами экспериментально.

Когда ученый занимается неродным для себя языком в стране, в которой язык является также предметом школьного и вузовского обучения, он не может не интересоваться проблемами преподавания. С самого начала своей профессиональной деятельности я участвовал в составлении словарей, грамматик, учебных курсов, компьютерных программ, телевизионных курсов. Моим первым учителем в этом деле была Ольга Даниловна Митрофанова. С ней мы составили учебник

«Раз два три» для проведения одноименного телевизионного курса [Mitrofanova, Mustajoki; Mustajoki, Mitrofanova]. Он стал самым популярным учебником по русскому языку в Финляндии. Другой телевизионный курс, «Капуста», получил Европейскую премию «Erasmus» за лучшую учебную программу [Мустайоки, 1981]. Последняя моя книга «Легкое прикосновение к русскому языку» [Mustajoki, 2012] была рискованной затеей. Я старался писать о русском языке для тех пяти миллионов финнов, которые (еще) не знают русского, писать так, чтобы они заинтересовались языком. Стиль изложения был не слишком серьезным, напоминая фельетон или блог. Очевидно, замысел оказался результативным, поскольку первое издание было распродано за месяц, а книга получила государственную премию.

Волею судеб я стал участвовать в деятельности МАПРЯЛ. Был сначала рядовым членом президиума, потом занимал должность «казначей», был выбран первым нерусским генеральным секретарем, а потом еще вице-президентом. Многие западные коллеги, особенно в восьмидесятые и девяностые годы, спрашивали, как я могу работать в такой пропагандистской ненаучной организации. Этот же вопрос не раз задавал я себе. Публично выступил на эту тему на закрытии конгресса в Москве в 1990 г. Для себя оправдывал свое участие по-разному. Конечно, распространение русского языка, его изучение в разных странах мира – главная задача МАПРЯЛ. У меня, профессора русского языка, нет принципиальных возражений, если речь идет только о языке, а не о политической или идеологической демагогии.

МАПРЯЛ – единственная международная организация, которая объединяет русистов мира. Жаль, что не все ученые-русисты участвуют в ее деятельности, но это их личный выбор. Мне МАПРЯЛ предоставила возможность встречаться с яркими учеными и преподавателями русского языка. Это президенты организации Михаил Борисович Храпченко, Виталий Григорьевич Костомаров и Людмила Алексеевна Вербицкая, которые должны были руководить работой ассоциации, как это положено в стране, где у подобных организаций еще нет полной свободы. МАПРЯЛ – это и прекрасные русисты-энтузиасты, такие как Элеонора Сулейменова, Рафаэль Тирадо Гусман, Дэн Давидсон, Татьяна Млечко, Давид Гоциридзе, Аксиния Красовски, Сесилия Оде и многие, многие другие. Непосредственные контакты с ними позволяют мне составить представление не только о том, как обстоит дело с русским языком в мире, но и вообще о том, как в данный момент люди живут, о чем думают в разных уголках нашей планеты.

Работа на разных административных должностях (проректором университета, председателем правления Академии Финляндии, членом Финляндского Госкомитета по науке и инновациям) заставила меня думать о месте гуманитарных наук в общем поле исследовательской деятельности, о том, как мы можем оправдать свое существова-

ние с учетом того, что зарплаты нам выдает государство, используя деньги налогоплательщиков. Мы часто жалуемся, что результативность нашей работы измеряют мерками, которые созданы для точных наук и плохо применимы к анализу работы филологов. В связи с этим мне довелось познакомиться с разными параметрами успешности и рейтингами, а также выявить индикаторы, спроецированные на специфику гуманитарных наук. Люблю использовать в этом деле схемы, графики и другие визуальные средства, демонстрирующие пути влияния науки на общество и жизнь людей.

Меня, носителя финского языка, немного раздражает частое повторение тургеневского выражения о «великом и могучем» русском языке. Все языки для своих носителей «великие и могучие» в том смысле, что они могут служить для выражения великих мыслей. На любом языке можно выражать и самые банальные, наглые и пошлые мнения и взгляды, унижать и оскорблять людей. Дело не в языке, а в людях, которые на нем говорят.

Я забросил немецкий язык, перешел к изучению языка русского. Думаю, что сделал правильный выбор. Знакомство с русским языком и с людьми, говорящими на нем, дало и, надеюсь, в будущем еще даст большое количество ярких впечатлений, расширит мой кругозор до такой степени, которая не была бы возможной без него. Не зная русского языка, я был бы совсем другим человеком. Мой путь к русскому языку и пониманию русской души продолжается.

Ермакова О. П., Земская Е. А. К построению типологии коммуникативных неудач (на материале естественного русского диалога) // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. М.: Наука, 1993. С. 30–64. [Ermakova O. P., Zemskaya E. A. K postroeniyu tipologii kommunikativnykh neudach (na materiale estestvennogo russkogo dialoga) // Russkij yazyk v ego funktsionirovanii. Kommunikativno-pragmaticheskij aspekt. M.: Nauka, 1993. S. 30–64.]

Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка. Словоизменение. М.: Рус. яз., 1977. 880 с. [Zaliznyak A. A. Grammaticheskij slovar' russkogo yazyka. Slovoizmenenie. M.: Rus. yaz., 1977. 880 s.]

Земская Е. А. Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. М.: Рус. яз., 1987. [Zemskaya E. A. Russkaya razgovornaya rech': lingvisticheskij analiz i problemy obucheniya. M.: Rus. yaz., 1987.]

Караулов Ю. Н. О состоянии русского языка современности (Докл. на конф. «Рус. яз. и современность. Пробл. и перспективы развития русистики» и материалы почт. дискус.). М.: [б. и.], 1991. 65 с. [Karaulov Yu. N. O sostoyanii russkogo yazyka sovremennosti (Dokl. na konf. «Rus. yaz. i sovremennost'. Probl. i perspektivy razvitiya rusistiki» i materialy poch. diskus.). M.: [b. i.], 1991. 65 s.]

Копотев М., Мустайоки А. Современная корпусная русистика // Инструментарий русистики: корпусные подходы / редкол.: А. Мустайоки, М. В. Копотев, Л. А. Бирюлин, Е. Ю. Протасова. Хельсинки, 2008. Slavica Helsingiensia 34. С. 7–24. [Kopotev M., Mustajoki A. Sovremennaya korpusnaya rusistika // Instrumentarij rusistiki: korpusnye podkhody / redkol.: A. Mustajoki, M. V. Kopotev, L. A. Biryulin, E. YU. Protasova. Helsinki, 2008. (Slavica Helsingiensia 34). S. 7–24.]

Кронгауз М. А. Русский язык на грани нервного срыва. М.: Языки славянских культур, 2009. 232 с. [Krongauz M. A. Russkij yazyk na grani nervnogo sryva. M.: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2009. 232 s.]

Мустайоки А. Типы ударения имен существительных в современном русском литературном языке и их минимизация в учебных целях. Doct. diss. Neuvostoliittoinstituutin vuosikirja 26. Helsinki, 1980. 386 s. [Mustajoki A. Tipu udareniya imen suschestvitel'nykh v sovremennom russkom literaturnom yazyke i ikh minimizatsiya v uchebnykh tselyakh. Doct. diss. Neuvostoliittoinstituutin vuosikirja 26. Helsinki, 1980. 386 s.]

Мустайоки А. Курс русского языка на финском телевидении и радио // Рус. яз. за рубежом. 1981. № 2. С. 123–126. [Mustajoki A. Kurs russkogo yazyka na finskom televide-nii i radio // Russkij yazyk za rubezhom. 1981. N 2. S. 123–126.]

Мустайоки А. Возможна ли грамматика на семантической основе // Вопр. языкознания. 1997. № 3. С. 15–25. [Mustajoki A. Vozmozhna li grammatika na semantiche-skoj osnove // Voпр. yazykoznaniya. 1997. N 3. S. 15–25.]

Мустайоки А. Теория функционального синтаксиса: от семантических структур к языковым средствам. М. : Языки славянских культур, 2006. 510 с. [Mustajoki A. Teo-riya funktsional'nogo sintaksisa: ot semantichekikh struktur k yazykovym sredstvam. M. : Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2006. 510 s.]

Мустайоки А. Разновидности русского языка: анализ и классификация // Вопр. языкознания. 2013. № 5. С. 3–27. [Mustajoki A. Raznovidnosti russkogo yazyka: analiz i klassifikatsiya // Voпр. yazykoznaniya. 2013. N 5. S. 3–27.]

Мустайоки А., Вепрева И. Т. Какое оно, модное слово: к вопросу о параметрах языковой моды // Рус. яз. за рубежом. 2006. № 2. С. 45–63. [Mustajoki A., Vepreva I. T. Kakoe ono, modnoe slovo: k voprosu o parametrah yazykovoy mody // Russkij yazyk za rubezhom. 2006. N 2. S. 45–63.]

Мустайоки А., Копотев М. Лодку унесло ветром: условия и контексты употребления русской «стихийной» конструкции // Russian Linguistics. 2005. № 1. С. 1–38. [Mustajoki A., Kopotev M. Lodku uneslo vetrom: usloviya i konteksty upotrebleniya russkoj «stikhijnoj» konstruktсии // Russian Linguistics. 2005. N 1. S. 1–38.]

Мустайоки А., Протасова Е. «Мы» и «они»: русские и финны о финнах и русских // Мир русского слова. 2003. № 2. С. 56–63. [Mustajoki A., Protasova E. «My» i «oni»: russkie i finny o finnakh i russkikh // Mir russkogo slova. 2003. N 2. S. 56–63.]

Мустайоки А., Протасова Е. Быть русским и говорить по-русски // Русскоязычный человек в иноязычном окружении / ред. А. Мустайоки, Е. Протасова. Helsinki : [б. и.], 2004a. (Slavica Helsingiensia 24). С. 5–12. [Mustajoki A., Protasova E. Byt' russkim i govori't' po-russki // Russkojazychnyj chelovek v inoyazychnom okruzenii / red. A. Mustajoki, E. Protasova. Helsinki : [b. i.], 2004a. (Slavica Helsingiensia 24). S. 5–12.]

Мустайоки А., Протасова Е. Миф, доля истины или чистая правда: представления русских о финнах в свете рассказов и анекдотов // Русское и финское коммуникативное поведение. Вып. 20. Воронеж : Истоки, 2004б. С. 62–95. [Mustajoki A., Protasova E. Mif, dolya istiny ili chistaya pravda: predstavleniya russkikh o finnakh v svete rasskazov i anekdotov // Russkoe i finskoe kommunikativnoe povedenie. Vyp. 20. Voronezh : Istoki, 2004b. S. 62–95.]

Мустайоки А., Пуссинен О. Об экспансии глагольной приставки ПО- в современном русском языке // Инструментарий русистики: корпусные подходы / редкол.: А. Мустайоки, М. В. Копотев, Л. А. Бирюлин, Е. Ю. Протасова. Хельсинки : [б. и.], 2008. (Slavica Helsingiensia 34). С. 247–275. [Mustajoki A., Pussinen O. Ob ekspansii glagol'noj pristavki PO- v sovremennom russkom yazyke // Instrumentarij rusistiki: korpusnye podkhody / redkol.: A. Mustajoki, M. V. Kopotev, L. A. Biryulin, E. Yu. Protasova. Helsinki : [b. i.], 2008. (Slavica Helsingiensia 34). S. 247–275.]

Мустайоки А., Пуссинен О. Почему народу много, или новые наблюдения над употреблением второго родительного падежа в современном русском языке. // Integrum: точные методы и гуманитарные науки / ред.-сост. Г. Никипорец-Такигава. М. : Летний сад, 2006. С. 50–75. [Mustajoki A., Pussinen O. Pochemu narodu mnogo, ili novye nablyudeniya nad upotrebleniem vtorogo roditel'nogo padezha v sovremennom russkom yazyke // Integrum: tochnye metody i humanitarnye nauki / red.-sost. G. Nikiporets-Takigava. M. : Letnij sad, 2006. S. 50–75.]

Мустайоки А., Стексова Т. И. Наблюдения над нестандартными Субъектами: что могут делать наука, политика и экономика? // Сиб. филол. журн. 2008. № 2. С. 193–209. [Mustajoki A., Steksova T. I. Nablyudeniya nad nestandardnymi Sub'ektami: chto mogut delat' nauka, politika i ekonomika? // Sibirskij filologicheskij zhurnal. 2008. N 2. S. 193–209.]

Clarkeburn H., Mustajoki A. Tutkijan arkipäivän etiikka. Tampere : Vastapaino, 2007. 320 s.

Iloa E., Mustajoki A. Report on Russian Morphology as it Appears in Zaliznjak's Grammatical Dictionary. Helsinki, 1989. (Slavica Helsingiensia 7). 235 p.

Mitrofanova O., Mustajoki A. Raz, dva, tri 1–2. Harjoituskirja. Jyväskylä : Gummerus, 1974–1975. 96 s., 136 s.

Mustajoki A. Падеж дополнения при отрицании в русском языке: поиски новых методологических приемов в изучении старой проблемы. Helsinki, 1985. (Slavica Helsingiensia 2). 188 s.

Mustajoki A. Kevyt kosketus venäjän kieleen. Helsinki : Gaudeamus, 2012. 275 s.

Mustajoki A., Mitrofanova O. Raz, dva, tri 1–3. Oppikirja. Jyväskylä : Gummerus, 1974–1976. 184 s., 173 s., 206 s.

Mustajoki A., Heino H. Case Selection for the Direct Object in Russian Negative Clauses. Part II: Report on a Statistical Analysis. Helsinki : [s. n.], 1991. (Slavica Helsingiensia 9). 249 s.

The article was submitted on 19.01.2014

Арто Мустайоки, проф.
Финляндия
Хельсинкский университет
arto.mustajoki@helsinki.fi

Arto Mustajoki, prof.
Finland
University of Helsinki
arto.mustajoki@helsinki.fi